

В книге, выпущенной к годовщине основания завода, напечатана повесть Фокина. На фото, правда, не Фокин.

Петрозаводск, Карелия, 2001

У СКАЛ ПУСУНСААРИ **Документальная повесть Отрывки**

Автор этой повести Владимир Фокин, будучи журналистом заводской газеты, хорошо

знал историю нашего целлюлозного завода на острове Пусунсаари. Временные рамки произведения вмещают период с 1940 по 1985 гг. И хотя повесть не была издана отдельной книгой, но в архиве сохранилась ее рукопись, которая начинается рассказом о том, как группа молодых ленинградских специалистов приезжает в Питкяранту восстанавливать завод после советско-финляндской войны...

Дорога в Питкяранту оказалась длинной. До места назначения прямой поезд в сороковом году не ходил. Так они группой из одиннадцати человек, все ленинградцы, и вышли в Сортавале на развилку шоссе в сторону Питкяранты. Мимо, не останавливаясь, проносились машины.

Наконец рядом притормозил грузовик. Из кабины вышел военный.

- Куда собрались, друзья?

- А нам, товарищ лейтенант, в Питкяранту. Завод восстанавливать! Может, подбросите?

- Подбросить нетрудно, — ответил лейтенант, — хочу только предупредить.

Восстанавливать там нечего. Питкяранта разбита до основания. Ладно, кидайте вещи в кузов...

Наконец доехали. Такой она, Питкяранта, как говорил военный, и оказалась. Даже еще более мрачной в безмолвном море пепелища.

Руины... Руины... Среди них кое-где уцелевшие стены домов с черными глазницами окон, с провалами искореженной огнем железной кровли. Повсюду голые фундаменты. Битый кирпич. Рваные водопроводные трубы. Иссеченный осколками и пулями металл. И просевший снег в ложбинках — буро-черный. Необычно выглядела на этом мертвом фоне оседлавшая взгорье островерхая деревянная кирха — местная церквушка, которую странным образом пощадило пронесшееся над городом пламя войны. И не более полу десятка каменных зданий чудом сохранилось в этом хаосе разрушений. Все говорило о том, что враг прочно удерживал здесь каждый дом, каждую сараюшку. Держался за любую глыбу гранита, любой ствол дерева. Держался за все, во что можно было намертво вцепиться.

Белофинны превратили город в оборонительный пункт с тройным поясом укреплений. Он неоднократно переходил из рук в руки. Ценою невероятных усилий и огромных потерь советским бойцам, удалось штурмом освободить город.

— Через час, смотрим, идет от завода старенькая полуторка, — вспоминала позже Васильева, — за нами, видать. Погрузились, поехали в Импилахти, где и нашли коменданта. Он сказал: «Выбирайте себе жилье. Все дома свободные». Мы облюбовали домик среди скал. Правда, без окон. Здесь я и осталась квартировать с дядей Петей и Митей Малининым. Убрали из комнат грязь и хлам, помыли пол, натаскали сухого сена для постелей. На чердаке нашлись половики. Мужчины соорудили из ящиков что-то наподобие кровати для меня. Остальные в тот вечер, вконец измотанные дорогой, вповалку уснули на полу...

...Тяжелый солнечный круг — незаметно для Николая Александровича Струнникова, главного технолога завода, — закатился за Пусунсаари. В последний миг его косые багровые лучи озарили каменистые сопки острова. Вечерние сумерки более уверенно заглядывали в деревянные переплеты окон небольшого, скромно обставленного

кабинета. Стол. Два стула. Полка для книг. Вот и все его убранство.

Хозяин кабинета сидел за столом перед стопкой мелко исписанных листков бумаги. Он не торопясь перечитывал их, что-то зачеркивал, подумав, снова писал. Это были краткие записи-мысли, которые взял себе за правило постоянно вести после рабочего дня. Скудное наследство оставили после себя прежние хозяева завода.

После подписания весной сорокового года мирного договора между СССР и Финляндией земли западного и северного Приладожья — древние земли России — были возвращены Советской Карелии. А через полтора месяца после этого справедливого акта на заводе «Питкяранта» уже работали представители советской технической администрации. Первым директором предприятия стал Кондратьев. Вместе с другими восемью предприятиями целлюлозно-бумажной промышленности завод вошел в подчинение «Главкарелбумпрому». Эти предприятия советское правительство решило восстановить в кратчайшие сроки без какой-либо значительной реконструкции.

«...Хотя в войну с белофиннами, — записывал Струнников, — город Питкяранта был почти полностью сожжен, завод и технический поселок от боевых действий не пострадали, за исключением подорванного динамитом кабель-крана.

...Заводу нанесен сильный ущерб от морозов, так как прежние владельцы при отступлении зимой тридцать девятого года не освободили оборудование, насосы и трубопроводы от воды и целлюлозной массы. Железные ванны и трубопроводы электролизного цеха были полностью разрушены от коррозии.

...На техническом оборудовании не оказалось многих контрольно-измерительных приборов. Не было большинства электромоторов малой мощности. Во всех цехах отсутствовали деревянные площадки и лестницы. В сейфах главной конторы и в цехах не оказалось той технической документации, по которой можно было бы установить начало строительства и пути развития завода в период хозяйничанья его прежних владельцев.

...По сохранившимся биркам фирм, изготовивших технологическое оборудование: варочные котлы, диффузоры и пресспаты, а также по различию конструктивных элементов зданий и сооружений стен и перекрытий пристроек можно сделать предположительное заключение об основных этапах развития производства до сороковых годов.

... До двадцать пятого года в варочном отделе стояло всего лишь четыре варочных котла по сорок кубометров каждый, одна батарея из двенадцати диффузоров, один пресспат в сушильном отделе, одна выпарка на три или четыре корпуса типа Кестнера. Завод выпускал крафтцеллюлозу...»

Струнников взял «летучую мышь» со стола и вышел в коридор. На мгновение остановился у кабинета Лобаницкого. И тут же решительно толкнул дверь. Как и ожидал, главный инженер был у себя.

... Лобаницкий стоял у темного квадрата окна, за которым бледным силуэтом на светлом беззвездном небе вырисовывались заводские корпуса. Повернув голову к Струнникову, Аркадий Петрович спросил:

- Как прошла у вас, Николай Александрович, очередная ревизия оборудования?

- Без документации работать чрезвычайно трудно. Не смешно ли, некоторые варочные котлы, словно в насмешку, доверху забиты обыкновенной соломой. И удивляюсь, к тому же, как это жилой поселок техперсонала ни один снаряд не тронул при такой кутерьме,

никто из белофиннов с факелом по нему не прошел.

Лобаницкий с иронией ответил:

- Надеялись, стервецы, снова вернуться сюда хозяевами. Но вообще-то обстрел и бомбежку острова Пусунсаари советское верховное командование категорически запретило нашим войскам. Не применяли пушек и белофинны. Причина одна единственная. Недавно только сам узнал. Завод — концессия смешанной англо-шведской фирмы «Дизен Вуд».

Да, концессионеры немало средств вложили в завод, — Струнников присел у стола. — Тут один товарищ передал мне газету «Красная Карелия», в Петрозаводске издается. От восьмого июля. Рассказывает этот товарищ о нашей Питкяранте после ее освобождения от белофиннов:

«Многое сожжено в Питкяранте. Сохранился сульфатный завод, поселок вокруг него и церковь. Правда, когда наши части заняли Питкяранту, все попытки белофиннов вернуть город оказались безуспешными. И хозяева завода, видимо, дали санкцию на его разгром.

На реках Тулемайоки и Ууксуйоки сохранились три небольших гидроэлектростанции. При целлюлозном заводе восстанавливается тепловая электростанция мощностью в одиннадцать тысяч киловатт... — Струнников поднес к глазам газетный листок и стал читать дальше:

- В восьмидесятых годах прошлого века Питкяранта представляла собой небольшой поселок на берегу Ладожского озера у тракта, идущего из Сортавала в Салми. Поселок насчитывал 22 домохозяйства. В начале этого столетия расположенные в северной части Питкяранты заброшенные полиметаллические рудники привлекли капиталы многих мелких русских предприятий, открывших здесь ряд полукустарных шахт и горно-металлургических мастерских с примитивной техникой... С этого времени началась быстрая застройка городской территории... многие улицы и проезды оставались незамещенными, тротуары отсутствовали, целые участки городской территории заболочены... Главную массу строений составляли небольшие деревянные дома...»

Каково же было здесь тем, — задумчиво вставил главный инженер, — кто изо дня в день гнул свою спину в этих шахтах...

Струнников, взглянув на Лобаницкого, прервал чтение.

— Аркадий Петрович, у меня есть краткий отчет инженера Орлова о его поездке в Швецию и Финляндию.

— Знаю его, встречались в главке. Георгий Михайлович известный специалист в области целлюлозно-бумажной промышленности.

— Так вот, — продолжал Струнников, — он был в командировке пять лет назад и посетил эти места. Орлов указывает, что на заводе «Питкяранта» первая реконструкция в цехах проводилась, очевидно, в середине двадцатых годов. И действительно, три варочных котла, второй пресспат и некоторое другое оборудование, как установила наша ревизия, имеют дату изготовления — 1925 год. Георгий Михайлович отмечает, что завод к этому времени уже имел двенадцать варочных котлов емкостью сорок кубометров, а годовая производительность предприятия находилась где-то на грани сорока тысяч тонн беленой целлюлозы. — Лобаницкий внимательно слушал главного технолога. — В период первой реконструкции установлены еще восемь варочных котлов, вторая батарея диффузоров, второй пресспат, построены отбельный и

электрогидролизный отделы. Расширен печной отдел с установкой к регенерационным печам котлов-утилизаторов на давление в двенадцать атмосфер. В отделе каустизации установлено несколько фильтров Келле в дополнение к имевшимся декантаторам. После первой реконструкции завод выпускал целлюлозу, отбеливаемую в одну ступень в роллах.

Все, что сделали капиталисты, нам надо знать досконально, Николай Александрович. Это верно. Но главное сейчас, Аркадий Петрович, рабочая сила. Не хватает у нас эксплуатационников.

— Наркомат еще в апреле сообщил, что сделает все, чтобы обеспечить нас необходимыми инженерно-техническими кадрами. Только один Ленинград каких замечательных людей дал! Электрики у нас — с трансформаторного завода «Ленэнерго». Прибыли рабочие с Кировского завода. Ожидаем приезда бригады монтажников завода бумагоделательных машин...

Пройдет еще не одна неделя, прежде чем Струнников дополнит свои записи:

«...Вторую реконструкцию завод пережил в тридцать восьмом — тридцать девятом годах. Для нас — специалистов сульфатцеллюлозного производства, прибывших в Питкяранту на восстановление этого предприятия, — сейчас представляет достаточно большой интерес технология производства, которую осуществляли концессионеры, в частности, в отбельном и очистном отделах.

В период второй реконструкции произведена замена пяти сильно изношенных варочных котлов на новые. Дата их изготовления — тридцать восьмой год. Установлены также восемь новых вибрационных сучкоулавливателей Джонсона и четыре новых мембранных сортировки с гидравлическим приводом.

Ревизия оборудования показала, что в выпарном отделе установлены пятые корпуса Кестнера. Тогда же, очевидно, реконструирован отбельный цех. В пристройке к рольному отделу установлено оборудование для многоступенчатой отбелики. Расширено энергетическое оборудование за счет установки нового шестого первого котла и турбины ВВС. На реке Тулема сооружена вторая гидростанция. Примерно в то же время финны построили насосную станцию в двух с половиной километрах от завода и деревянный водовод. Установлены барабанные фильтры Вагнера для механической очистки воды. Представляют для нас интерес и другие мероприятия по модернизации производства и механизации внутризаводского транспорта».

...Первые три дня Константин основательно ознакомился с островом. Осмотрел аккуратные, в окружении деревьев и кустарников, домики. О жестоких боях, проходивших в этих местах, ему напомнили братские могилы. Обнажив голову, долго стоял здесь, мысленно вспоминая и своих павших друзей-комсомольцев.

С высоты скал, на которые поднялся Константин, хорошо просматривалась территория завода.

«Тесные, мрачные здания цехов, — вспоминал позже К.В.Сафонов, —стояли скученно. К ним жались разномастные пристройки. Цеха были оснащены по принципу: с миру по нитке. Оборудование самых разных фирм в ряде случаев не соответствовало элементарным требованиям техники безопасности...» Николай Александрович Струнников принял нового сменного инженера химцеха дружелюбно, откровенно поведал о сложнейших условиях периода восстановительных работ.

- К восстановлению цехов мы приступили в мае. Вы, молодой человек, прибыли весьма кстати. Строители и монтажники постарались основательно, чтобы быстрее приблизить

день пуска завода... Вот только что мне принесли статью из республиканской газеты «Ленинское знамя». Речь в ней идет о товарищах, командированных к нам из Ленинграда. Автор статьи - директор завода бумагоделательных машин товарищ Стрельников. Если есть у вас время, послушайте...

- С удовольствием.

- Вот что директор в своей статье «Дело чести нашего завода» пишет:

«...Успешно работала бригада монтажников, командированная нашим заводом на сульфат-целлюлозный завод в Питкяранте. Питкярантский завод оставлен белофиннами в хаотическом состоянии. На его территории и в цехах валялись груды хлама, среди которого коварный враг расставил мины. Стекла в корпусах выбиты, оборудование покрылось ржавчиной и грязью. Стремясь выколотить со своего завода как можно больше прибылей, горе-хозяева довели его оборудование до состояния крайней изношенности. Сейчас бригаду монтажников возглавил мастер Лушпитов. Он сумел поднять членов бригады на социалистическое соревнование и добился быстрейшего восстановления двух пресспатов, которыми оборудован завод. Сейчас Питкярантский завод уже подготовлен для испытания и сдачи в эксплуатацию».

К сожалению, нам пока неизвестны точные даты окончания восстановительных работ отдельных цехов и принадлежавших заводу гидростанции и теплоэлектростанции.

Неизвестны и полные списки тех, кто самоотверженно трудился на этих важных участках. Некоторые имена мы все же назовем, их упоминает в своем послевоенном письме бывший дежурный инженер заводской теплоэлектростанции Юрий Чульский: «В Питкяранту я приехал молодым специалистом осенью сорокового. Насколько помню, котельная находилась по соседству с химцехом. Мастером в котельной был Евгений Николаевич Морозов. Наши утилизационные котлы постоянно получали тепло от сжигания органики черного щелока.

На ТЭЦ тогда работали Василий Филиппович Ведехин и Анатолий Николаевич Табатин, начальник ТЭЦ. Главным энергетиком был Дранов. Помню Туниманова, Лобаницкого, Струнникова, Шустикова, Наталью Крестникову...

...То раннее пасмурное туманное утро было удивительно праздничным. На некоторых домах — даже красные флаги. Легкий ветерок с озера порывисто трепал складки большого алого стяга. Еще с ночи густо задымила темнокрасная кирпичная труба. К утру над Пусунсаари широко расплывалось от топок черное облако, высоко поднимался белый пар от работающих котлов ТЭЦ.

Люди торопились на работу, их лица светились радостью. Гудок, протяжный, басовитый, непрерывно поплыл им навстречу.

— Гудок!.. Завод ожил, товарищи!

На ходу люди крепко пожимали друг другу руки.

— С праздником!.. С победой!..

Алый флаг притягивал к конторе строительства все больше и больше народу. У наспех сколоченной трибуны — толпа, не протолкнуться. Горит яркий кумачовый транспарант: «Стране Советов — первые варки целлюлозы!» Возбужденный людской говор, словно птица, перелетает от одной группы к другой. На трибуне директор завода Кондратьев. Он поднимает руку:

— Дорогие товарищи! Позвольте поздравить вас, работников завода и строительства, с замечательной победой — успешным завершением пробной варки целлюлозы, так

необходимой сейчас для укрепления оборонной мощи нашей страны. Коллектив завода выпустил первую партию небеленой продукции. Сушка целлюлозы только что закончена на восстановленном вашими героическими усилиями втором пресспате... У нас образовался крепкий рабочий коллектив. Более тысячи человек. 89 коммунистов. Растут ряды стахановцев. Их теперь — сто пятьдесят человек, а восемнадцать из них вдвое перекрывают нормы.

Слова директора участники митинга встретили аплодисментами.

По прошествии многих лет вспомнят ветераны фамилии тех, кто в ту тяжелую пору разрухи твердой рукой с самого нуля повел завод по пути восстановления. И прежде всего почти все назовут имена главного инженера Аркадия Петровича Лобаницкого и главного технолога Николая Александровича Струнникова.

Ветераны сороковых с уважением отзываются о тех, кто рядом с ними в те годы самоотверженно трудился на заводе. Это начальник производственного цеха Д.Г.Шустиков, главный механик К.А.Анненков, начальник конструкторского бюро Г.Н.Иванов, начальник электроотдела С.С.Стулов, начальник центральной лаборатории Л.И.Стрельникова, конструктор Р.Ф.Солдатова, дежурный инженер В.К.Афимьин. Отличались в труде электрообмотчица Е.П.Васильева, вакуумфильтровщица Е.А.Милавина и многие другие, чьи имена, имена активных работников тех лет, архивы не сохранили.

...Обмотчица Екатерина Васильева с мужем Иваном Брановцом в то июньское утро оказалась в Ляскеля на щедро залитом солнцем и шумном от людского гомона базаре. Там их и настигло страшное безысходное слово: «Война!» Несговариваясь, собрались в директорском кабинете — весь основной руководящий состав предприятия. Почти все уже прослушали переданное по радио выступление наркома Молотова и находились под впечатлением сказанного. Коварный враг, не объявляя войны, всю бомбил наши мирные города.

Вся работа прахом, — растерянно произнес кто-то.

Нет, дорогие товарищи, — возразил Лобаницкий, — это толь ко на первый взгляд — прахом. На 5 складе у нас уже лежат многие тонны прекрасной целлюлозы. Мы приобрели хороший опыт на восстановлении незнакомого нам оборудования. Научились его эксплуатировать.

Верно, Аркадий Петрович! — поддержал Лобаницкого директор Туниманов. — Мы не имели чертежей установок и агрегатов. Теперь они у нас есть. Мы имеем теперь и собственные разработки технологических процессов...

- Что толку, если враг займет Питкяранту!

- Толк? Есть толк! — В голосе директора — глубокая убежденность. — Не будем нытиками и паникерами. Страна от нас сейчас требует собрать все в единый кулак, быть мужественными и стойкими. Даже если на время придется нам оставить завод. Но мы сюда вернемся, и все, что научились делать, — пригодится.

... Опустела Питкяранта. Обезлюдели окрестные поселки и хутора. Мужчин почти не осталось. А те, кому была выдана броня от призыва в армию, вместе с женщинами до седьмого пота трудились в цехах. Поступило распоряжение на немедленную эвакуацию завода. 2 июля начался демонтаж оборудования.

Путейцы бесперебойно подавали на заводскую территорию все имевшиеся на станции железнодорожные вагоны и платформы. Погрузка шла полным ходом—и днем и ночью.

С первым эшелоном оборудования отбыл сопровождающим груз сменный инженер Василий Кириллович Афимьин. Эшелон направлялся на Марийский целлюлозно-бумажный комбинат.

Настали и для других заводчан последние часы пребывания в Питкяранте. На кострах у заводоуправления торопливо дожигалась невывезенная техническая документация.

Дмитрий Григорьевич Шустиков находился в своем кабинете, поспешно уничтожая сколько-нибудь важные бумаги. Он видел, как мимо окна, держа под мышкой портфель, пронесся Федоров — спешил к мосту через пролив. Шустиков открыл окно и шутливо прокричал вдо

гонку начальнику отдела кадров:

— Эй, Василий Павлович! Дай мне расчет по собственному желанию!..

Федоров обернулся. Махнул рукой и, не сбавляя быстрого шага, в тон Федорову прокричал:

— Подожди полчасика. Расчет сразу получишь! Сполна! Идет?

На том берегу, где-то у окраины города, нарастала ружейная перестрелка. А в воздухе над островом барражировали вражеские истребители. Они методично, заходя в пике, поливали пулеметным огнем прибрежную полосу залива и мост, по которому уходила с острова последняя группа работников завода.

Шустиков, вскинув на плечо ремень винтовки, бегом направился к выходу из заводоуправления. Ветром разносило по двору обгоревшие клочки бумаг.

Обстреливаемый мост Шустиков проскочил благополучно и как раз успел к общему построению на первом этаже заводского клуба.

Лица у всех до предела напряжены, тревожны. Люди получали последние наставления, советы от сотрудника Питкярантского военкомата лейтенанта Кузнецова Павла Ивановича. Рядом с Шустиковым выстроились заводчане: главный механик Тюренок, его заместитель Анненков, начальник конструкторского бюро Иванов, кадровик Федоров, Никифоров из механической мастерской, работник лесопильного завода Смирнов, Грищенко — старший кочегар ТЭЦ, слесарь Брановец... Тут же представители других организаций города. Многие из них, вместе с пехотным полком, успели побывать в перестрелке с противником. На фланге строя вытянулись совсем еще мальчишки. С ними — директор школы Гин. К вечеру завязались уличные бои.

Малочисленный стрелковый полк едва удерживал натиск финнов...

Сотни верных бойцов отправил на фронт коллектив целлюлозного завода «Питкяранта». И многие из них отважно бились с врагом, геройски приняли смерть или были ранены в кровопролитных сражениях Великой Отечественной.

Назовем сегодня лишь малую толику имен бывших работников завода, судьбы которых в какой-то степени известны нам. Пусть это станет страничкой заводского мемориала памяти в славной истории коллектива питкярантских целлюлозников.

Николай Смыслов. Механик цеха.

В звании младшего лейтенанта командовал зенитной батареей на Лужском оборонительном рубеже. В августе сорок первого батарея приняла на себя удар фашистской брони. Израсходовав снаряды, Смыслов с автоматом в руках поднял в атаку оставшихся в живых бойцов. Но силы были неравны. Артиллеристы, до конца выполнив воинскую присягу, не отступили со своих позиций и погибли под гусеницами вражеских танков. Вместе с солдатами геройскую смерть принял офицер Николай Александрович Смыслов. Именно так мы думаем об отважном воине на основе скурых сведений,

полученных о тех, кто был в те дни рядом с ним. А он пока числится в списках военкомата пропавшим без вести.

Мария Иванова. Инженер-экономист планового отдела.

Погибла на Карельском фронте смертью храбрых.

Иван Брановец. Слесарь древесного цеха.

Отважно сражался с финнами в составе Питкярантского истребительного батальона.

Призванный в ряды Советской Армии, проявил отвагу и отдал жизнь за Родину на Волховском фронте.

Иван Шматов. Старший варщик целлюлозы.

Отважно воевал и погиб в боях сорок первого года.

Дмитрий Малинин. Электрик завода.

Призван в армию по всеобщей мобилизации в первый день войны.

Погиб в ожесточенных кровопролитных боях, сдерживая с группой красноармейцев натиск превосходящих сил противника.

Федор Лебедев. Бригадир слесарей.

Спасая армейское имущество в 1942 году, погиб под бомбами на станции Лазаревка при движении воинского эшелона к Сталинградскому фронту.

Семен Гришенков. Старший кочегар ТЭЦ.

Пал в перестрелке с белофиннами при обороне Салми.

Серафим Ковалев. Рабочий завода.

В боевых схватках (при эвакуации на остров ПутСари) ездовой 260го стрелкового полка Серафим Устинович Ковалев был тяжело ранен в ногу. Более года пролежал в госпиталях Новосибирска. Уволен из армии как инвалид второй группы...

Не знаем мы пока, как сложились судьбы многих и многих других участников Великой Отечественной, участников трудового фронта военного времени!

Остались, например, неизвестными имя и судьба кассира целлюлозного завода, который почти последним покинул Питкяранту в июле сорок первого. Из письма погибшей на фронте Марии Ивановой известно, что она видела кассира в общем потоке беженцев. Он шел с грузом за спиной. Но это были не личные пожитки кассира, а заводские деньги. Он шел сквозь все опасности, чтобы сдать в целости и сохранности трудовые деньги заводчан в Государственный банк...

Подошел сорок пятый год — последний военный год и первый мирный...

Шумно, радостно праздновали в Питкяранте Победу. На целлюлозный завод начали возвращаться старые опытные довоенные кадры. Прибывали в одиночку и целыми семьями.

Приехала Лидия Ивановна Стрельникова. Она вновь возглавила центральную лабораторию и отдел технического контроля. Появился на заводе начальник электроцеха Серафим Сергеевич Стулов. Руководство завода радовалось возвращению на предприятие М.Х.Майзиша, А.Н.Табатина, И.Ф.Тимошкина и других товарищей. Родовались на предприятии каждому новому работнику.

Шестнадцатилетней девчонкой пришла на завод в июне 1945 года В.Г.Пигалева.

Валентина Григорьевна вспоминает:

— Завод был полностью выведен из строя. Котлы, диффузоры, роллы забиты целлюлозной массой. Электроэнергии ни в городе, ни на заводе не было. Велись восстановительные работы. Мне пришлось трудиться в разных цехах: лесном, варочном,

сушильном, в подсобном хозяйстве. Разбирали завалы, очищали оборудование, кирками долбили мерзлую массу из котлов и роллов и на носилках по лестницам выносили на улицу. Из нашего цеха работали в то тяжелое время З.А.Куприна, З.Д.Ханко, Х.С.Шишова.

Прибыл вновь к берегам Ладоги и демобилизованный фронтовик Константин Сафонов. Перед ним предстал город в руинах. Виднелись захоронения освободителей города. Переправа через пролив осуществлялась по плавучему мосту. На территории завода взорваны и сожжены цех получения хлора и лесопильный завод. Поврежден ряд цехов. Сафонова принял директор Федоров.

— Слушаю вас, — сказал Никанор Петрович и оглядел худощавого, по-армейски подтянутого молодого человека в старшинских погонах.

Сапоги начищены. Короткая стрижка. Светлые волосы аккуратно зачесаны на правый бок. На выгоревшей гимнастерке — орден Славы. Рядом—две «Отваги», медаль «За боевые заслуги». Еще три награды — за оборону Ленинграда, Сталинграда, взятие Будапешта.

- До войны вы, кажется, занимали должность заместителя начальника химического?

- Да.

- Если мы предложим вам в этом же цехе... —директор испытующе взглянул на Сафонова, — должность начальника цеха?

Предложение несколько неожиданное. Но... как прикажете!

Директор встал из-за письменного стола. Быстрым движением расправил под ремнем толстовку защитного цвета. В последнее время он заметно полнел. Возрастное. Ведь ему уже за шестьдесят. Прошелся по кабинету. На нем были старенькие армейские галифе. Хорошо обношенные сапоги, подметки которых приятно поскрипывали на ходу. «Вот, — размышлял Никанор Петрович, —такие люди, как старшина Сафонов, в эти дни для предприятия в самый раз! Правда, большинство из них еще не оправилось от фронтовых ран...»

Не всех бывших фронтовиков можно было направить непосредственно в цех. В ноябре, к примеру, Федоров принимал на работу бывшего сапера Василия Филатова. Уроженец Суоярвского района, он семнадцатилетним юношей ушел на фронт... Первые минные поля обезвреживал под Псковом. Сколько их было потом у солдата, этих минных полей! Но одно запомнилось. Группа саперов, в которую входил и Василий Петрович Филатов, глубокой ночью возвращалась с боевого задания. Казалось, все складывалось удачно, участок незаметно для фашистов разминирован. И вдруг один из бойцов случайно в темноте задел сигнальный провод ограждения. И тут же немцы открыли по группе массированный пулеметный огонь. Трое саперов были убиты, двенадцать ранены. А как мог забыть солдат свой последний бой?

Его взвод под вражеским огнем сопровождал танки на передовую. При выполнении этого боевого задания Василий Петрович был тяжело ранен. Отлежал сапер в госпитале. Демобилизовался. Вернулся в родную Карелию и решил связать свою судьбу с целлюлозным заводом «Питкяранта». Директор направил Филатова в отдел кадров — инспектором.

В сорок шестом на заводе появился молодой офицер с орденом Красной Звезды на кителе. Это был демобилизованный капитан-артиллерист Петр Иванович Мозолевский. — ...В Министерстве целлюлозно-бумажной промышленности, — вспоминает Петр Иванович, — я получил назначение в Питкяранту. Дирекция завода назначила меня

механиком химцеха. В то время цех именовался содо-регенерационным. С начальником цеха Сафоновым много пришлось поработать на восстановлении и пуске, а также освоении цеха. Значительная часть работ осуществлялась силами слесарной группы вместе с ее бригадиром Николаем Владимировичем Петровым. За плечами Петрова — большой опыт. До войны он работал в Ленинграде на Балтийском заводе.

Под стать ему трудились слесарь Сергей Гаврилович Барсуков и молодые парни, присланные из ФЗО, — Матвеевко Михаил и Юрченко Ваня. Впоследствии оба они ушли учиться в военное училище...

Вспоминаю многих других хороших людей, с которыми мне пришлось встретиться. Одним из них был бригадир плотников-бетонщиков Лука Лаврентьевич Лукьяненко...

По заданию директора завода Федорова руководил работой на возведении наплавного моста через реку Уукса для переброски трансформатора с территории завода к гидростанции. Бригада, возглавляемая Лукьяненко, не считаясь со временем, стремилась быстрее закончить работы. И в течение недели мост был готов. Он пригодился и в будущем для передвижения транспорта и пешеходов.

Для приема каустика, поступавшего в цистернах по железной дороге, понадобилось смонтировать насосную станцию с приемным трубопроводом и всасывающим клапаном, произвести ревизию емкостей для каустика и систему трубопроводов для перекачки каустика в приемный бак отдела каустизации. Эти работы в установленный срок выполнила бригада слесарей товарища Петрова. Много уходило труда и времени для поисков отдельных деталей трубопровода, крепежа и арматуры, которые где попало валялись в то время по всей территории завода. Это был своеобразный «резерв» у механиков и слесарей. Немало пришлось потрудиться маленькому коллективу слесарей на восстановлении цеха, в пуске и освоении его мощностей.

Сложность пускового периода заключалась и в том, что в большинстве своем рабочие не имели опыта, да и молодые мастера нуждались в помощи при эксплуатации оборудования. Трудовым подвигом можно назвать работу многих женщин. Совсем молоденькая Нина Буденкова освоила профессию содовщика и работала в тяжелом цехе наравне с мужчинами. Самозабвенно, почти до самого выхода в декрет, продолжала трудиться на агрегате выпарщика Вера Оваско. Она быстро освоила профессию и стала настоящим мастером своего дела.

В том же сорок шестом году из Москвы на целлюлозный завод прибыл министр отрасли Георгий Михайлович Орлов. Скрупулезно знакомился он с ходом восстановительных работ на предприятии. На расширенной летучке ответственных работников заводоуправления министр сделал серьезное внушение директору Федорову и за определенные упущения в работе сместил с должности главного инженера Г.С.Прокудина. Прокудин — временно, до возвращения на завод Струнникова, — стал исполнять обязанности заведующего производством. Пребывание в Питкяранте министра способствовало ускорению решения на заводе многих производственных вопросов. Встряска, произведенная Орловым, помогла коллективу предприятия укрепиться и организационно. На завод приехал директором коммунист Николай Леонидович Леонтьев. На должность главного инженера завода отдел кадров главка рекомендовал коммуниста Рудольфа Федоровича Ульберга.

Неоднократно бывая в Москве, Ульберг старался не миновать кадровиков, присматривался к тем, кто искал работу по специальности. Представляют в этом отношении интерес заметки, написанные старейшим рабкором предприятия Николаем

Михайловичем Каменевым:

«...Знойный июньский день 46го года. Мы с женой Александрой Андреевной в Москве, в приемной Главцеллюлозы Минбумпрома. Надо устраивать свою судьбу, думать о дальнейшей мирной жизни. Жена моя — техниктехнолог целлюлознобумажного производства. Я — рабочийэлектромонтер, недавно демобилизовавшийся из армии. Кадровики предлагают нам несколько предприятий. Выбор большой. И в этот момент появляется главный инженер целлюлозного завода «Питкяранта» Рудольф Федорович Ульберг.

— Вы ищете работу? — спросил он жену. — Так, пожалуйста, к нам в Питкяранту. Завод восстанавливается. Скоро — пуск. И нам позарез нужны специалисты...

Ульберг красочно расписал достопримечательности озерного края. Пообещал выделить для жилья отдельный домик. Мы сразу же согласились.

И вот перед нами Питкяранта. Прошли мы с женой на завод по наплавному мосту. Постоянный еще только строился, да и до пуска завода было еще ой как далеко. И, конечно же, ни о каком отдельном домике для моей семьи не могло быть и речи. Но маленькая хитрость Рудольфа Федоровича нам была понятна. Не одни мы жаждали обзавестись жильем. А постоянные кадры были действительно нужны Питкяранте. Мы простили ему этот «обман во спасение».

Труды главного инженера Ульберга по поиску опытных специалистов всех рангов были поистине неутомимыми. Многие работники завода прошли у него свое «крещение».

Так, по личному вызову Ульберга семнадцатого мая сорок шестого приехал в город на должность старшего турбиниста фронтовик Петр Федосеевич Прытов. По этой специальности участник Великой Отечественной еще до войны работал на Севском химическом заводе в Горьковской области.

С ним в Питкяранте произошел курьез.

Отдел кадров опротестовал приглашение Прытова на работу. Причина: у Петра Федосеевича — вторая группа инвалидности. Два с половиной месяца потребовалось Рудольфу Федоровичу, чтобы доказать кадровикам — такой рабочий заводу крайне необходим. И Прытов, по личному распоряжению Ульберга, был на работу оформлен. Летом Петр Федосеевич приступил к монтажу турбины. Бригада, в которой он работал, столкнулась с трудностями: не хватало инструмента и материалов. Видя, сколько трудолюбия и целеустремленности проявляет Прытов, главный инженер направляет его в командировку за недостающими материалами в Москву и Куйбышев. И Петр Федосеевич не подвел: многое из того, что необходимо было для спешного продолжения монтажных работ, он на завод доставил. Это позволило в установленные сроки смонтировать первый турбогенератор.

Как и в сороковом году, проектом Гипробума не предусматривалось существенной реконструкции восстанавливаемого завода, кроме расширения не удовлетворяющих производство узлов, агрегатов и обновления некоторых отделов. Провели замену изношенного оборудования выпарного и каустизационного отделов. Обновили разрушенное коррозией технологическое оборудование. Построили цех побочных продуктов. Установлены три рубительные машины, второй корообдирочный барабан и две сортировки в древесном отделе, вместо сгоревших.

Проект Гипробума не предусматривал и строительства нового электролизного цеха, тоже уничтоженного пожаром. Было решено — для отбелки целлюлозы потреблять привозимый в железнодорожных цистернах жидкий хлор и каустик. Наметили с этой

целью построить отдел хлороразводки, помещение для стоянки двух цистерн с хлором и обновить баки хранения жидкого каустика.

В феврале сорок седьмого из Москвы поступил приказ министра отрасли Георгия Михайловича Орлова.

«Коллектив завода «Питкьяранта», — отмечал министр, — во втором полугодии 1946 года значительно улучшил свою работу и добился значительного ускорения дел в строительстве. В течение года на заводе «Питкьяранта» возведено 26 жилых домов и 12 общежитий, площадью в семь тысяч квадратных метров жилой площади.

Закончены строительство и эксплуатируются лесопильный завод и механизированные деревообделочные мастерские с сушилкой для пиломатериалов. Восстановлены и отремонтированы железнодорожный мост, производственные здания завода, поток технологического оборудования мощностью 30 тонн целлюлозы в сутки. Действуют насосная станция, три паровых котла, две гидр > турбины мощностью 700 киловатт, механические мастерские, железнодорожные пути, известковая печь.

На заводе обеспечены нормальные условия хранения оборудования, как импортного, так и особых поставок. Хорошо оформлена документация по инвентаризации оборудования. Из озера поднято значительное количество аварийной древесины и топляков. Выжжено для своих нужд четыре тонны извести.

В результате годовая программа капитального строительства (при плане 8 000 тысяч рублей) выполнена на 12 318 тысяч рублей, или на 154 процента. В том числе: строительномонтажные работы завершены на сумму в 10 469 тысяч рублей, что составляет 151 процент к плану...»

Отмечая хорошую работу заводского коллектива во втором послевоенном году, министр приказывал премировать двухмесячным окладом главного инженера

Р.Ф.Ульберга. Месячными окладами была премирована большая группа инженернотехнических работников. Среди них директор завода Н.Л.Леонтьев, главный механик А.Ф.Кузьмин, начальник электрочасти С.С.Стулов, начальник цеха регенерации К.В.Сафонов, начальник отдела оборудования В.Н.Герсатор, заместитель начальника ТЭЦ А.А.Кокин, заведующая лабораторией Л.И.Стрельникова, главный диспетчер М.А.Эрский, инженермеханик А.Д.Ильин. Кроме того, Георгий Михайлович Орлов из своего фонда министра выделил в распоряжение дирекции завода десять тысяч рублей на премии другим, наиболее отличившимся работникам предприятия. В приказе министра выражена уверенность, что коллектив целлюлозников успешно завершит программу восстановления и строительномонтажных работ сорок седьмого года и обеспечит первого июля ввод завода «Питкьяранта» в строй действующих.

В те годы самоотверженно трудились ветераны завода В.П.Филатов, К.П.Зайцев, В.И.Кирьянова, И.П.Бабкин, Н.П.Лялин, В.Г.Пигалева, А.Н.Бобкова (Ботанцова), Г.А.Филимонова, Н.С.Лысков, Б.Н.Кузьминский, А.Ф.Болотова, АН.Субботко, Н.Ф.Власов, Э.П.Хувинен, М.С.Ковлешвили, Н.П.Павлов, М.Джумаев, Е.Е.Омельченко, Э.И.Тикка и многие другие передовики восстановительных работ.

Добросовестность в труде проявили Н.И.Дротченко, В.М.Шевченко, Л.В.Лукияненко, П.К.Униятов.

К восстанавливаемой ТЭЦ было обращено особое внимание всего коллектива целлюлозников. Петр Федосеевич Прытов в своих воспоминаниях пишет:

«... Все время, вплоть до пуска завода 22 июня 1947 года, на ТЭЦ шли

восстановительные работы. Закончили установку трех паровых котлов, один из них работал на щепе и дровах. Чтобы запустить электрическое оборудование и паровые котлы, мы получили электроэнергию от ГЭС из Салми...

Так началась работа ТЭЦ. С каждым месяцем потребность в паре для производства увеличивалась. Запустили шестой паровой котел, оборудовали топки на котлахутилизаторах и шуровали углем, чтобы иметь как можно больше пара.

Впоследствии в котельной поставили и запустили в работу два паровых котла на угольной пыли, получаемой от шахтных мельниц. Паровая мощность заметно увеличилась, но у работников котельной начались «хождения по мукам». Весной и осенью уголь из траншеи подавался мокрым, а зимой — со снегом. Угольные комья застревали в бункерах. Приходилось разбивать их кувалдой. В шахте и топке температура падала. При воспламенении факела возникали взрывы в топке и наблюдалась сильная загазованность котельной.

В подобных условиях на ТЭЦ длительное время работали машинисты паровых котлов Лебедев, Зинзивер, Бородай, Джумаев, Кутенков, Малов, Титов, Зонов, водосмотры Лучкина, Гыбина, Пехтерева, Конго и многие другие наши энергетики...»

«...В пусковой период цехам и ТЭЦ завода, — дополняет воспоминания П.Ф.Прытова Николай Михайлович Каменев, — нужны были квалифицированные мастера, дежурные электротехники в ТЭЦ и старшие электрики в заводские цеха.

Дирекция завода направляет меня на специальные четырехмесячные курсы повышения квалификации инженернотехнических работников в Краснокамск. Курсы я успешно закончил в сентябре 1947 года. Вернулся на завод и был назначен в ТЭЦ дежурным электриком.

Теплоэлектроцентраль уже работала. Один турбогенератор давал электроэнергию, а котельная — пар цехам. Пуск ТЭЦ проводился в мае июне сорок седьмого года.

Руководили пуском начальник ТЭЦ Табатини механик Мышкин...

В период пуска Петр Федосеевич Прытов занимал на теплоэлектроцентрали должность дежурного инженера.

Я же был пока единственным дежурным электромехаником. И кроме того, пришлось замещать мастера электрочасти ТЭЦ. А работы было много. Недоделок на ТЭЦ — хоть отбавляй. К тому же электрооборудование было старым, изношенным: частично — финским, частично — немецким. Оно постоянно ломалось, выходило из строя, а запасные части отсутствовали. Мы заменяли электроаппаратуру на отечественную, не останавливая основных агрегатов — турбин и паровых котлов. Были и другие неполадки. Часто не хватало топлива и ТЭЦ останавливалась. Тот день, когда мы впервые увидели послевоенную продукцию, сделанную своими руками, останется в памяти навсегда...»

Через три года после освобождения города целлюлозный завод обрел свою новую жизнь. Первого июля 1947 года заводские гудки известили Питкяранту о том, что предприятие вступило в строй действующих.

День первой послевоенной варки.

Волновались в те долгожданные часы и рабочие, и специалисты производственного цеха. Волновался весь заводской коллектив. И это вполне понятно. Как пойдет дело? Успешно ли?

Инженерный расчет на первую варку делала Лидия Ивановна

Стрельникова—заведующая заводской лабораторией. Конечно, перед этим она

предварительно посоветовалась с заведующим производством Прокудиным. Совет был необходим, так как таких котлов малой емкости, еще без циркуляции, какие были установлены в Питкяранте, у нас в стране на других целлюлозных предприятиях не имелось. Приняла участие в этой работе и Августа Николаевна Ботанцова (Бобкова). Кадровых рабочих Чухина, Привалихина и Птицына направили в варочный отдел. Все они имели до войны солидный стаж работы на других предприятиях отрасли. Продолжим здесь рассказ Евдокии Григорьевны Кирсановой о памятных ей днях подготовки к первой послевоенной варке целлюлозы.

«...Перед началом варки оборудование старательно почистили, аккуратно покрасили. Настало время пуска... Обычно на пуски цехов и заводов в эксплуатацию приезжают рабочие и специалисты родственных предприятий. К нам же никто не приехал. Страна повсеместно нуждалась в опытных кадрах. Пока не до взаимной вежливости. И нам предстояло «вариться в собственном соку».

Памятным стал день, когда впервые после войны сварили целлюлозу. Передули диффузоры. Оборудование перед этим освежили — окрасили кузбаслаком. Дым стоял в цехе такой, что рядом ничего не было видно.

Первую варку вел Чухин. Его молодые рабочие — всем им в то время было лет по двадцать — называли «дедом Чухиным».

К опытному рабочему внимательно присматривался Алексей Субботко. Вторую варку поручили провести ему.

— Промывка у нас затянулась, — вспоминает о первой варке Е.Г.Кирсанова. — Наступило время выгружать массу. Ее вели вручную с помощью шланга, струей воды высокого давления. Так и выгружали диффузор в несколько смен. В дальнейшем приспособились и управлялись за час-полтора.

Работала в те дни подручной варщика единственная на этой должности женщина Е.Д.Пытаева (Шеншова). Участвовали в первых варках и диффузорщицы Александра Евлампиева, Антонина Елисеева, Надежда Дмезова. Те памятные дни стали для многих из этих женщин началом их большой трудовой биографии.

Первую целлюлозу на пресспате вырабатывали сеточники И.Фролов, М.Берман, В.Соболева, Е.Абрамова, сушильщица Р.Семенова (Хиллиулина).

— Надо отдать должное, — продолжает Е.Г.Кирсанова, — мастеру варочного отдела Анне Петровне Мирошниченко. Она и до этого активно участвовала в восстановлении производственного цеха. Свой вклад в ту первую варку внесли мастера Бессонов, Борисов. Эти товарищи в прошлом работали на других предприятиях и свои знания и опыт стремились передать рабочи-мновичкам.

Добрым словом вспоминаю наших очистниц Клавдию Мерзлякову и Клавдию Виноградову, Лиду Симакову (Шишову) и Веру Алексеенкову (Гайдук)...

Вот так, преодолевая трудности, пустили в июне сорок седьмого цех в эксплуатацию. В дальнейшем приехали к нам выпускники ремесленных училищ Катя Чугунова, в замужестве — Егорова, Петр Чибирев, Аня Семенова, Вася Попков и другие ребята. В большинстве своем — комсомольцы. Работать стало значительно легче.

Сперва давали за смену одну-две варки, а впоследствии перешли на восемьдесят, — заканчивает свой рассказ Е.Г.Кирсанова. — Так постепенно и наращивались производственные мощности завода...

Прошло полмесяца после первой варки. 16 июля 1947 года из Петрозаводска на завод поступила правительственная поздравительная телеграмма:

«Совет Министров и ЦК ВКП(б) Карелофинской ССР поздравляет коллектив строителей, монтажников, эксплуатационников Питкярантского целлюлозного завода с успешным выполнением правительственного задания по восстановлению первой очереди завода.

Пуск в действие Питкярантского завода является крупной победой и ценным вкладом в дело послевоенного восстановления и развития народного хозяйства страны, имеет большое значение для осуществления пятилетнего плана развития целлюлозно-бумажной промышленности.